

11.11.05
(гл.)

КРУПНЫЙ ПЛАН

СОФЕСТВИК 46'2005

23

Просто стоять у рояля ей было неуютно. Она сняла микрофон со стойки — первая на нашей эстраде. И во многом потом была первой. Эдита Пьеха последние 10 лет живет в деревне Северная Самарка под Питером. Среди сосен, собак и тишины. В доме с зеленою крышей и башенкой. Он почти как в ее французском детстве...

— Быть первой приятно?

— Когда я начинала, меня считали инородным телом на эстраде, которое не поет, а «гудит». Назвали «кабацкой певицей». А я была просто девчонка из шахтерской глубинки Франции, ребенком попавшая в Польшу. Оттуда уехала учиться в СССР. И широко раскрыла глаза — Ленинград стал первым большим городом, который я увидела в жизни. И при этом один музыкант писал, что «этую кабацкую певицу» надо «выстирать по самое декольте».

— Не пожалел?

— Через 10 лет пришел за кулисы. Встал на колени: «Я был глубоко не прав, я невежда». Мне никакая звездочка не падала в ладони. Я по городку Вол, и моя дочь Илона тоже. А Волы — трудоголики. И еще мне посчастливилось пройти по жизни 20 лет с Александром Броневицким, музыкантом-авангардистом. Илона на 70 процентов унаследовала его темперамент. Она рисковый человек, как и отец. Он смелый был. Я же более рассудительная, оттого что битая, неприласканная. Не ласкала меня жизнь. Я более рациональная. Прежде чем что-то сделаю, это должно созреть во мне.

— А в деревню почему уехали?

— В городе столько звуков! А у меня повышенный порог восприимчивости. И со мной может быть истерика, если где-то что-то скрипит. Лучшая музыка для меня, самая нежная — тишина. Здесь она меня ласкает. И продолжает жизнь.

— Благодаря ей так хорошо выглядите?

— Генетика хорошая. Дедушка был красавец, бабушка красивая, папа. Мама выглядела молодо. Обручальное кольцо, которое папа подарил маме, когда они венчались, я надевала на сцену — это талисман. Родители были закалены жизнью. А жизнь вырабатывает определенные генетические коды, которые дают выносливость.

Кроме того, я не разрешаю себе распускаться. Мне было 20 с небольшим, когда у одной актрисы — она была вся такая подтянутая — я спросила: «Почему вы так хорошо выглядите?» «Деточка, — отвечала она, — труд, труд и еще раз труд». И я всегда уделывала себе внимание.

— Как относитесь к косметическим операциям?

— Отношусь правильно. Но это надо делать вовремя и у нормальных людей.

— Когда начинать?

— Это совершенно субъективно. Я ограничила ожогом лица — это великолепная процедура, бескровная. Ее хватило мне на 10 лет. И еще я очень верю в гимнастику лица. Илонка не верит мне: «Мама, ты неправду говоришь. Это у тебя от бабушки». А я повторяю: «Нет, Илона, это труд, труд, труд, труд». Операции же

— как в случае с Жорж Санд. Она говорила, мол, люблю Шопена... А у самой щечки, как у собачки, повисли. Она переживала страшно. И я все вре-

мя у зеркала — смотрю, есть они или еще нет. Нет! И конечно, осанка! Вы заметили, у меня нет стульев? Я приучила себя сидеть прямо, без спинки.

— Справляетесь с такой орвой?

— Я считаю, что это лучше.

— Внук навещает?

— Редко. Стас слишком занят. Летом был на моем дне рождения, высупал со мной. Директор БКЗ «Октябрьский» сказала: «Дита, боюсь, не выдержишь два отделения с этой ногой. Давай всей семьей!» И получился парад поколений. На сцене три поколения и в зале три. Места не было даже на ступеньках! Потом отмечали в семейном кругу. Стас приехал с девушкой Викой, Илона с мужем, соседи Илоны из Москвы. Это был красивый прием на воздухе. И вот тогда Стаса я пощупала, расцеловала его. И он улетел.

А в детстве со мной на гастроли ездил. Я придумала песню «Мужчина, которого я люблю». Я пою будто бы о любимом, а в конце «Но, что бы ни случилось, я все стерплю — и на кухне гром и гам, и в прихожей тарарам,

Я ограничила ожогом лица — это великолепная процедура, бескровная. Ее хватило мне на 10 лет.

бездомную собаку, хочется взять. Но другие могут ее не принять. У них же своя семья, клан.

— Справляетесь с такой орвой?

Эдита Пьеха:

Прабабку Монгол догнал в лесу

Дочери Илона: «Внешность — это труд!»

Фото на полосе Андрея Струнина

— В последнее время вы словно пропали...

— Я сама себя арестовала. На два с лишним года. Вот девушка (под столом сидит Джуллия, среднеазиатская овчарка, — И.З.) играючи головой махнула и фырь — мне по коленке. Лежала она на травке, набегавшись, дышала воздухом, другая собака стала ее теребить за хвост. Джуллия хотела ее отогнать. И надо было мне появиться в поле движения ее головы! Она раздробила мне коленный сустав, остались одни осколки. И нога еще, не хочу сказать, как протез, но чужая. Я ей говорю: «Давай, начинай жить». Но на сцене уже работает со мной вовсю. Правда, каблуки отвергла. Вот возвратившись прогулки по лесу, хотя бы по 2–3 км.

— Откуда у вас так много собак?

— Четыре — это много? Было пять, одна умерла. Все дареные. В городе не хотела заводить — жалела там животным тюрьмы устраивать. А тут приились все.

— Потому вы заняты собой?

— Как складывается ваша семейная жизнь?

— Я свободная.

— То есть?

— Развод еще не оформлен. Можно так ответить про мою семейную жизнь: пока не придумала. Песня у меня есть «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». Так вот, я все придумывала, придумывала, и, кроме Броневицкого, никто не стал таким, как я хотела. А тут... Был большой фантазер. Я придумала себе, что он меня любит и мне нравится, и все как-то тянулось... Редко виделась, он москвич, я здесь. Иногда нагрянет. Вот пошел с Джуллией гулять, на коротком поводке. Она увидела кошку и как рванет — а это же 85 кило. Он упал, ключицу сломал.

— С тех пор виделись?

— Виделись, созванивались. Но не хочу на эту тему распространяться. Он много про себя мне напридумывал. Потом я призадумалась. Наверное, у дяди работает фантазия как-то слишком... И я постепенно стала отставать ко всему, что себе про него напридумывала.

— Что для вас любовь?

— Любовь — когда второй человек для тебя — это ты. А ты для него — это он сам. В моей жизни получалось так, что я становилась кем-то. Но никто не становился. Я отвечала себе просто: «Мужчины — это геи», потому не могут вникнуть в мои дебри». Наверное, что-то предусмотрено свыше. И я не отчиваюсь.

■ Инга Земзаре.
Санкт-Петербург.